

СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2016-1-2-215-226

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2 Рос=Рус)

Парадокс Бибриса

В.А. Кошелев

Аннотация: Репутация поэта-«архаиста» Семена Боброва сформировалась эпиграммами, наиболее известной из которых стало двестишье К.Н. Батюшкова. Это двестишье, имевшее сложную и неоднозначную семантику, рассматривается на фоне «антибобровской» литературной полемики, развернувшейся в 1810-е годы.

Ключевые слова: С. Бобров, поэтический восторг, запой, литературные репутации, К. Батюшков, П. Вяземский, А. Пушкин

Информация об авторе: Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., профессор, Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия. E-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напитокя!¹

Перед нами – самая известная из ранних эпиграмм К.Н. Батюшкова, многократно печатавшаяся при жизни автора. Сначала она появилась в сентябрьской книжке журнала «Цветник» за 1809 г. (ч. III. № 9. С. 372), потом в майском номере «Вестника Европы» за 1810 г. (ч. 51. № 10. С. 327). Перепечатывалась и в «Собрании русских стихотворений», и в «Пантеоне русской поэзии», и в «Опыте русской анфологии». Наконец, вошла в авторский сборник «Опыты в стихах и прозе», в раздел «Эпиграммы, надписи и пр.» (СПб., 1817. Ч. II. С. 202).

Написана эта эпиграмма была, скорее всего, летом 1809 г. в усадьбе Хантоново, откуда была послана в Петербург к Н.И. Гнедичу в числе «нескольких эпиграмм», для публикации предназначенных: «Вот тебе несколько эпиграмм; напечатай в “Цветнике”, если он не завял совершенно. А они не дурны. На будущей почте я пришлю тебе не-

---

¹ *Батюшков К.Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 239

сколько похвальных слов, именно вот каких: поэт Сидор, что написал Потоп, а рыбы на кустах, ну, уж гений!..»¹.

Упоминание «поэта Сидора» раскрывает адресата приведенной эпиграммы, «Бибриса». В третьей части четырехтомного собрания сочинений Семена Сергеевича Боброва с причудливым заглавием «Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных Гениев России с последованием Дидактических, Эпических и других разного рода в стихах и прозе опытов» (СПб, 1804) была напечатана его старая поэма «Судьба древнего мира, или Всемирный потоп» (для этого издания вновь «поправленная»). Там на глаза Батюшкову попались нелепые стихи:

Тогда тьмы рыб в древах висели,
Где черный вран кричал в гнезде...

А *Бибрис*, каламбурно—пародийное прозвище Боброва, бывшего предметом насмешек в словесности начала XIX столетия, происходило от немецкого слова *Biber* (бобёр) и латинского *bibere* (пить)²: соединение двух равнозвучных понятий как будто намекало на страсть поэта к спиртному... Правда, еще Н.О. Лернер, автор энциклопедической статьи о Боброве, указал, что о том факте, что поэт «был алкоголик» можно утверждать только «судя по эпиграммам его литературных противников» — других данных на этот счет нет.

«Этими эпиграмматическими отзывами (кн. П.А. Вяземского, Батюшкова и Пушкина, называвшего его “тяжелым Бибрусом”) имя Б[оброва] спасено от забвения», — добавлял тот же исследователь. И далее: «Это был писатель действительно тяжелый, о чем дают достаточное понятие самые названия его огромных книг...»³. Но как соотносится «тяжелый» язык «Бибриса» и «недуг» Боброва — «запойная болезнь»?⁴

Повторим, каких-либо документальных или мемуарных данных об этой «болезни» Боброва не сохранилось. Напротив, в его некро-

¹ Батюшков К.Н. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 98–99.

² См.: Зайонц Л.О. «Маска» Бибруса // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 683 (Труды по русской и славянской филологии). 1986. С. 34; Зайонц Л.О. «Пьянствующие» архаисты // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 220–235.

³ Лернер Н.] Бобров С.С. // Энциклопедич. словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 324–325.

⁴ Зайонц Л.О. Бобров С.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографич. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 293.

логе говорилось, что покойный «был человек недостаточный», вел жизнь «самую умеренную», а доходов его «едва ли достаточно было на содержание его с семейством» (Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 11. С. 246). Тогда на каком основании тот же Батюшков в сатире «Видение на берегах Леты» (1809) назвал его «виноносным гением»?

В этой сатире Бобров занимает первое место среди «осмеиваемых» поэтов. Он появляется уже в первых стихах: «Вчера, Бобровым утомленный, / Я спал и видел чудный сон!..» И далее — подробная картина допроса и последующей «расправы» — Бобров не просто осмеивается, а прямо уничтожается Батюшковым как поэт-«изувер»:

«Кто ты?» — «Я — виноносный гений.
Поэмы три да сотню од,
Где всюду ночь, где всюду тени,
Где роща ржуща ружий ржот,
Писал с заказа Глазунова
Всегда на срок... Что вижу я?
Здесь реет между вод ладья,
А там, в разрывах черна крова,
Урания — душа сих сфер
И все титаны ледовиты,
Прозрачной мантией покрыты,
Слезят!» — Иссякнул изувер
От взора грозныя Эгиды...¹

Выделенную курсивом строку Батюшков сопроводил примечанием: «Этот стих слово в слово г. Боброва, я ничего не хочу присваивать». В.Л. Коровин в книге о Боброве показал, что «возмутившая Батюшкова какофония явилась результатом сознательных исканий Боброва, звукоподражательно изображавшего здесь ужасы войны (способностью "ржать" у него наделены обычно "ад", "геенна" и т.п.)»². Но Батюшкова возмутила (а точнее: насмешила!) не столько «какофония», сколько элементарная бессмыслица возникающей картины «рощи», состоящей из «ржущих ружей». Он уже к тому времени, когда писалась сатира, изведal на собственном опыте не меньше «ужасов войны», чем Бобров — но сам, в отличие от «виноносного гения», не связывал эти «ужасы» со «способностью ржать». И он не принимает как раз такой позиции поэта, который «наплевал» на при-

¹ Батюшков К.Н. Соч. Т. 1. С. 370, 375.

² Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М., 2004. С. 139.

вычные психологические представления читателя и подчинил свои поэтические формы изначально уродливой семантике: «Один отец “Тилемахиды” / Слова сии умел понять...».

Как выяснил тот же исследователь, и последующие обороты в речи Боброва в «Видении...» взяты из несколько измененных бобровских стихов, которые нормальный человек просто не способен понять. Поэтому автор «Видения...» обрекает поэта Боброва (к тому времени еще живого) не на «забвение» (как остальных персонажей сатиры), а на физическое уничтожение: «Иссякнул *изувер* / От взора грозныя Эгиды», то есть погиб от взора змееголовой Горгоны, изображенной на щите неизвестно откуда появившегося Зевса. Бобров, в отличие от остальных поэтов-современников, настолько ненавистен Батюшкову, что тот желает его смерти (действительно, наступившей вскоре после написания «Видения...»).

С.С. Бобров умер 22 марта 1810 г. в Петербурге от изнурительной чахотки. И буквально сразу же случился «литературный скандал», подробно описанный О.А. Проскуриным¹. В той же книжке московского журнала «Вестник Европы», где был напечатан некролог покойному поэту, появилась вышеприведенная эпиграмма Батюшкова (перепечатанная из «Цветника») и две новые эпиграммы П.А. Вяземского. В первой из них, «Быль в преисподней», выводился «Бибрис», которого не хотят пустить в царство мертвых, потому что никак не могут понять, что же он хочет: «Ага! Здесь, видно, так, как и на той стране, — / Покойник говорит, — меня не понимают!». Вторая эпиграмма Вяземского была короче и жестче:

Нет спора, что Бибрис богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел².

«Развернутая в “Вестнике Европы” эпиграмматическая кампания против Бибриса, — отмечает О.А. Проскурин, — выглядела по тогдашним моральным стандартам достаточно неординарно. Публичное глумление над умершим — вещь чрезвычайно предосудительная с точки зрения христианской морали и христианского отношения к смерти. Необычно в этой ситуации было и участие в организации и проведении антибобровской кампании не только юного вольтерьян-

---

¹ *Проскурин О.А.* Поминки по Бибрису: Почему в «Вестнике Европы» смеялись над покойником // Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 81–115.

² *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 55.

ца Вяземского, но и отнюдь не склонного к вызывающему либертинскому поведению Батюшкова и, что, на первый взгляд, особенно удивительно, религиозного моралиста Жуковского». И еще: «Эпиграммы Вяземского и Батюшкова составляли своеобразное смысловое единство и, бесспорно, выражали общую эстетическую позицию журнала»¹.

Все бы хорошо — но ведь напечатанные в одной книжке «Вестника...» «антибобровские» эпиграммы Вяземского и Батюшкова не могли составлять «смыслового единства» уже потому, что были, что называется, *о разном*.

Предмет эпиграмматической насмешки Вяземского — «темнота» и затрудненность тяжеловесных виршей «Бибриса», стремящегося выражаться «богов языком». Как отметил В.Л. Коровин, в эпиграмме Вяземского, помимо всего прочего, «уловим оттенок тщательно скрываемой беспомощности перед “необузданным и своевольным” гением Боброва»². И в том, что автор эпиграммы Боброва не «разумеет», виноват не Бобров, а он сам — ибо ряд других современников (И.И. Мартынов, М.И. Невзоров и др.) очень даже Боброва «разумели». Кроме того, в эпиграммах Вяземского содержится претензия не собственно к «непонятности» сочинений «необузданного» Боброва, а к тому, что они *нарочито* непонятны, напоминая в этом отношении бормотания неких «авгуров», «посвященных» в какую-то особенную поэтическую систему.

А Батюшков в своей эпиграмме представил факт другого рода, значимый для русской словесности: в каком отношении к литературному творчеству находится состояние опьянения? Или Бобров был запойным алкоголиком (и мог писать стихи только в этом состоянии) — или безвинно оклеветан Батюшковым ради красного словца? Имеет ли отношение «маска Бибруса» к лично обозначенному поэту — или она возникла в литературной полемике в соответствии с какими-то иными, внеположными конкретной биографии, законами?

В книге В.Л. Коровина эпиграмма Батюшкова комментируется следующим образом: «*Пьет, чтобы писать* — значит, пишет только в пьяном бреде. *Пишет, чтоб напиться* — значит, плодovitым автором Боброва делает нужда (в “Видении на берегах Леты” этот мотив повторяется: “Писал с заказа Глазунова / Всегда на срок...”). Последний упрек не лишен оснований. В сохранившихся письмах к С.И. Селивановскому от 1807 г. Бобров жаловался на “нужды семейства”, по-

¹ *Проскурин О.А.* Поминки по Бибрису. С. 85, 89–90.

² *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. С. 144.

буждающие его к изданию своих трудов...»¹ В результате возникает этакий «осовремененный» облик поэта-пьяницы, которому для достижения состояния вдохновения необходимо «принять на грудь», а для обеспечения творчества — иметь достаточное количество денег, чтобы приобрести бутылку-другую хмельного питья.

Комментарий этот явно неудовлетворителен.

Во-первых, с точки зрения Батюшкова, последователя Карамзина («кто пишет так, как говорит») и лидера формирующейся «школы гармонической точности» (Л.Я. Гинзбург), сочинение стихов «в пьяном бреду» — дело невозможное. Таким образом возможно разве что «сумбуротворство» или создание рифмованных (а чаще — «безрифменных») стихотворческих «шарад», свидетельствующих об отсутствии «поэтического дарования». Если бы речь шла только о «невинных твореньях», которые умирают «своею смертию»², то не из чего было бы огород городить. Батюшков чувствует, что в поэтических образцах «Бибриса» что-то есть, что привело поэта к известной «славе» — речь идет лишь о том, как сложно с этой славою «ужиться». Ведь «Бибрис» уверен, что «крылатеет к престолу небеси» исключительно такое творчество, которое соответствует его собственным представлениям о поэзии. У Батюшкова речь идет именно об убийственной направленности подобной поэтической «славы».

Во-вторых, книжный рынок начала XIX столетия попросту исключал, чтобы на деньги, вырученные от продажи стихотворных сочинений, можно было сколько-нибудь сносно существовать. Бобров жил (как указывалось в некрологе) «в крайней бедности», хотя и служил чиновником в двух учреждениях (в департаменте Адмиралтейства и в Комиссии составления законов). В последние годы он публиковал стихи в тех журналах и сборниках («Цветник», «Лицей», «Талия», «Северный вестник»), в которых просто не существовало авторских гонораров за стихотворения. А «с заказу Глазунова» (книгоиздателя И.П. Глазунова) он издал разве что четырехтомный «Рассвет полночи...». Но это было давно (в 1804 г.), и к тому же не могло принести большого дохода. В 1814 г., через 10 лет, Пушкин печатно констатировал:

Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С *тяжелым Бибрисом* гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать...³

¹ Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров. С. 137.

² См. эпиграмму Батюшкова «Безрифмина совет...»: Соч. Т. 1. С. 353.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 26. Курсив мой.

Книгоиздатель, разоренный сочинителем — характерная фигура тогдашних анекдотов. П.А. Вяземский в письме к Батюшкову от 9 декабря 1811 г. красочно живописует ссору М.Т. Каченовского и П.И. Шаликова — и завершает описание следующим эпизодом: «И вот входит внезапно книгопродавец; осажденные упреками совести при виде человека, которого довели они почти до нищенства, убегают наши Журналисты, как некоторые убийцы, которые хотя и имеют дух резать человека, но не имеют твердости взирать на его труп!»¹

Но даже если бы изданная книга и принесла доход, то вряд ли бы на него можно было бы роскошествовать именно автору. Классический пример, иллюстрирующий издательские нравы, — издание сочинений Батюшкова его приятелем Н.И. Гнедичем: последний «никак не мог похвалиться добросовестностью в отношении к своим доверителям. Так, еще в 1817 г., издавая “Опыты в стихах и прозе” Батюшкова, Гнедич заставил поэта принять на себя всю целиком денежную ответственность на случай неуспеха издания. А когда книга вышла и принесла доход сверх всяких ожиданий, Гнедич, выручив до пятнадцати тысяч, уплатил Батюшкову всего две тысячи»².

В интересующей нас эпитафии дело идет как будто об ином явлении. В конце XX столетия в литературоведении возник «парадокс Бибриса», когда конкретного малоизвестного писателя имярек, который был «забыт» не только читающей публикой, но и историками литературы, захотели представить «одним из крупнейших и оригинальнейших поэтов своего времени»³ — именно с таковыми эпитетами и предстает «покойный господин Бобров».

Но как совместить две антиномичные данности: *забытый* и *крупнейший*... Такого рода совмещение непременно предполагает постановку вопроса *почему?* — а вслед за ним и знаменитых «проклятых» российских вопросов *кто виноват?* и *что делать?* Кажется, все просто. «Забытый» писатель был забыт, потому что современники его не поняли. Виновата в этом неправильная «полемическая традиция». И возникла задача ввести этого «забытого» и одновременно «крупнейшего» писателя в массы, издавать и распространять его наследие, «как картофель при Екатерине» (по известному выражению Б. Пастернака).

Но не так просто разом пересмотреть то явление, которое «не отложилось» исторически. Взять того же Семена Боброва: ведь к

¹ Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 127.

² Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 32.

³ Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров. С. 3.

собственной славе «сумбуротворца» он и сам немало приложил усилий — даже и в тех «находках», которые оказались плодотворны. В упомянутой «энциклопедической» статье Н.О. Лернера, вслед за констатацией отсутствия у Боброва «поэтического дарования» следует неожиданное: «Но современники не сумели оценить в Б[оброве] *литературного теоретика с твердыми и даже прозорливыми взглядами*. В те времена, когда литература была еще так молода, Б[обров] почувствовал, как тяжела *борьба между замыслом и словесным воплощением*. “Язык легок, но сколь обманчив! — писал он, — вещь, проходя чрез слух, нередко теряет правоту свою”, и смело создавал неологизмы, объясняя: “обыкновенные и ветхие имена, кажется, не придали бы слову той силы и крепости, каковую свежие, смелые и как бы с патриотическим старанием изобретенные имена”. Из множества изобретенных им слов, большей частью неуклюже-сложных и безвкусных, некоторые, однако, вошли в обиходную и литературную речь; особенно охотно пользовался он славянизмами, что привлекло к нему симпатии А.С. Шишкова и сделало его посмешищем карамзинистов. Он утверждал, что “рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах”, и что она, “часто служа будто некоторым отводом прекраснейших чувствований и изящнейших мыслей, почти всегда убивает душу сочинения”, если автор делает ей лишние уступки. Задолго до Бенедиктова, Бальмонта и символистов конца XIX в. Б[обров] ощущал тоску по “неслышанным звукам” и “неведомом языке” и первый заговорил о красоте белого стиха. *Русская поэзия не может отвести ему никакого места, но в истории литературной теории и версификации его заслуги неоспоримы*¹.

Подобная точка зрения плодотворна прежде всего тем, что наилучшим образом ограничивает рамки «перемены знаков» в отношении к Боброву и подобным ему поэтам, которым история русской поэзии «не может отвести *никакого места*». Стоит ли вот так, «напрямую» сразу же определять «искомое» место «сумбуротворца» как «одно из крупнейших»? Прямая «перемена знаков» ничего ни уяснить, ни изменить не в состоянии.

Когда-то Вл. Маяковский в статье о Велимире Хлебникове разделил два типа поэтов: «поэт для потребителя» и «поэт для производителя». Семен Бобров-поэт существовал прежде всего «для производителя», и вовсе не случайно то обстоятельство, что имя этого «крупнейшего и оригинальнейшего» поэта даже не упоминается, например, в известном «компендиуме» по истории русской поэзии В.С. Баевско-

¹ Лернер Н.О. Бобров С.С. С.325. Курсив мой.

го. «Неупоминание» свидетельствует не о «недосмотре» исследователя, а именно о том, что в истории русской поэзии (которая все-таки предназначается «для потребителя» и именно поэтому и существует!) Боброву действительно не находится места. Его «поэтическая слава» основана, в общем-то, на том, что какие-нибудь позднейшие «новаторы» (Н. Лернером упоминаются Бенедиктов и Бальмонт) *могли бы* воспользоваться бобровским литературным опытом, *если бы* прочли его творения...

А то, что они «не прочли», свидетельствует опять-таки не об их неграмотности и нерадении, а о естественном литературном развитии, в котором иные «плюсы» и «минусы» уничтожаются сами собою. Еще в начале XX в. признавались «неоспоримые» заслуги Боброва в «версификации» — однако его творения не поминаются и не разбираются, например, в замечательном «Очерке истории русского стиха» М.Л. Гаспарова, посвященном как раз истории русской версификации. И это опять-таки не недосмотр исследователя, а жесткая (и может быть, жестокая) данность литературной истории — даже и в ее приложении к истории стиха: «Да не воскреснет из забвенья / Покойный господин Бобров» (Пушкин)¹.

«Парадокс Бибриса» трансформировал и обыденные представления. Собственно, в интересующей нас эпиграмме Батюшкова речь идет вовсе не о конкретном «запойном пьянстве» конкретного литератора, — но о неких общих тенденциях, прежде всего, нравственно-литературного характера. «Словарь Академии Российской» определял «пьяного» как «имеющего голову, разгоряченную парами от вина или другого какого-либо хмельного напитка происшедшими». Батюшков имеет в виду как раз «другой напиток»: наркотически воздействующее на человека поэтическое «витийство».

Он пьет, чтобы писать... Пьянство, уточняет тот же современный «Бибрису» словарь — это «подлая страсть, от которой человек лишается не только здоровья, но и душевные дарования приводит в ослабление, и, лишась здравого рассудка, в другие страсти впадает удобно». Автор эпиграммы убежден, что те логические фантазмагии, которые рождаются в стихах «Бибриса» — все эти «рассветы полночи», лады, «реющие между вод», «все титаны ледовиты» или «ржущая роща ружий» — могут родиться только при ослаблении «здравого рассудка» и «душевных дарований». Человеку в нормальном состоянии подобное в голову не придет.

...и пишет, чтоб напиться. А что еще остается, когда он, пробудившись от пьянства, прочитает то, что написал? Ведь и восприни-

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 44.

мать подобные опусы можно только в состоянии измененного сознания. Получается порочный круг бесконечного «витийственного» опьянения. Пьяница, читаем в том же словаре, — это «человек, который отличающую его от прочих животных способность душевную, рассудок и память от излишнего употребления крепких напитков теряет и дарования свои истребляет»¹.

Таким «истребителем» дарования и является «изувер» Бобров, уничтожаемый Батюшковым, не позволившим ему даже и приблизиться к «поэтической» Лете. Само присутствие его — губительно для всех остальных «певцов» без исключения:

Я вижу тень Боброва!
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и с чумой!
Сугубым вздором дышит
И на скрижалях пишет
Бессмертные стихи...
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов...
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучу слов...²

Литература

Батюшков К.Н. Сочинения: В 2 т. / Под ред. В.А. Кошелева и А.Л. Зорина. М.: Художественная литература, 1989.

Вяземский П.А. Стихотворения / Вступит. ст. Л.Я. Гинзбург; сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. Л.: Советский писатель, 1986. 542 с.

Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л.: Academia, 1930. 148 с.

Зайонц Л.О. Бобров С.С. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 292–293.

¹ Словарь Академии Российской. СПб, 1793. Ч. 4. Стб. 1245–1247. Курсив мой.

² *Батюшков К.Н.* Соч. Т. 2. С. 132.

Зайонц Л.О. «Маска» Бибруса // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 683 (Труды по русской и славянской филологии). 1986. С. 32–37.

Зайонц Л.О. «Пьянствующие» архаисты // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 220–235.

Л[ернер Н.] Бобров С.С. // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 324–325.

Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб.: Наука, 1994. 398 с.

Коровин В.Л. Семен Сергеевич Бобров: Жизнь и творчество. М.: Academia, 2004. 320 с.

Проскурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 368 с.

References

Batiushkov K.N. *Sochineniia* [Works]. V 2 t., Pod red. V.A. Kosheleva i A.L. Zorina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. (In Russ)

Viazemskii P.A. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Vstupit. st. L.Ia. Ginzburg; sost., podgot. teksta i primech. K.A. Kumpan. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 542 p. (In Russ)

Gessen S. *Knigozdatel' Aleksandr Pushkin* [Book publisher Alexander Pushkin]. Leningrad, Academia Publ., 1930. 148 p. (In Russ)

Zajonc L.O. “Bobrov S.S.” *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917. Biographical dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopedia Publ., 1989, t. 1, pp. 292–293. (In Russ)

Zajonc L.O. “‘Maska’ Bibrusa” [Bibrus “Mask”] *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu State Univ.]. Vyp. 683 (Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii). 1986, pp. 32–37. (In Russ)

Zajonc L.O. “‘P'janstvujushhie' arhaisty” [“Ebrious” archaists]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, no 21, pp. 220–235. (In Russ)

L[erner N.] “Bobrov S.S.” *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauz i Efron. Biografii* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Biographies]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopedia Publ., 1992, t. 2, pp. 324–325. (In Russ)

Literaturnyj arhiv: Materialy po istorii russkoj literatury i obshhestvennoj mysli [Literary Archive: Articles on the history of Russian literature and social thought]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994. 398 p. (In Russ)

Korovin V.L. *Semen Sergeevich Bobrov: Zhizn' i tvorcestvo* [Semyon Sergeevich Bobrov: Life and Work]. Moscow, Academia Publ., 2004. 320 p. (In Russ)

Proskurin O.A. *Literaturnye skandaly pushkinskoj epohi* [Literary scandals of Pushkin's era] Moscow, OGI Publ., 2000. 328 p. (In Russ)

The Paradox of Bibris

V.A. Koshelev

Abstract: Semyon Bobrov's image of a poet-Archaisit was shaped by epigrams, including the famous Batyushkov's distich. This distich characterized with complex and ambivalent meaning is considered against the background of the literary polemics contra Bobrov that took place in 1810-ies.

Keywords: Semyon Bobrov, poetic exaltation, hard drinking, literary reputation, Konstantin Batyushkov, Pyotr Vyazemsky, Alexander Pushkin

Information about author: Vyacheslav A. Koshelev, Doctor Hab. in Philology, Professor at Arzamas Branch of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, Russia; e-mail: anatoly.koshelev@yandex.ru